П22
6566

П22
6566
№2
1977

THE TWENTIETH CENTURY

A SOCIO-POLITICAL DIGEST AND
LITERARY MAGAZINE

2

Editor *Roy A. Medvedev*

T.C.D. PUBLICATIONS LTD.
LONDON 1977

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ САМИЗДАТНОГО
ЖУРНАЛА «XX-й ВЕК»

2

Редактор *Рой А. Медведев*

T.C.D. PUBLICATIONS LTD.
ЛОНДОН 1977

Рос. национальная
библиотека
Санкт-Петербург
ИП3944/1

взглядами соседей по нарам Андрей идет на вахту, где в последний раз прощупают, просмотрят все его вещи, — не везет ли из лагеря какие-либо ценности или, может быть, письма «налево».

Но ведь и сам он полусвободный, с подозрительным паспортом, человек «налево».

финмир

СОДЕРЖАНИЕ

ИСЛОВИЕ 5

ИЯ

Медведев. СТАЛИН. НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ 9

ИКА И ФИЛОСОФИЯ

гин. КОМПОНЕНТЫ СОЦИАЛИЗМА . . . 79

МИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

сиков. ТОВАР НОМЕР ОДИН 105

ИКА

мир Дакшин. СОЛЖЕНИЦЫН, ТВАРДОВСКИЙ И «НОВЫЙ МИР» 151

УРА

ндр Лебеденко. БУДНИ БЕЗ ВЫХОДНЫХ 219

———«»———

с социалистическими партиями. Как показали последние события в Португалии (отчасти и во Франции), ряд западных коммунистов все еще воспринимают такое сотрудничество всего лишь как один из тактических приемов. Правда, итальянские и испанские коммунисты осудили действия Португальской компартии, отмежевались от Куньяла и заявили о своей готовности сотрудничать не только с социалистами, но и с христианскими демократами, т.е. с представителями средних классов. Это многообещающее заявление: итальянская и испанская компартии, таким образом, в отличие от Куньяла, не оглядываются на Москву, а выбирают свой собственный, независимый путь к социализму. На Западе, однако, настороженно относятся к заявлениям ИКП и КПИ, ибо уже неоднократно в истории провозглашение программы сотрудничества в реальной действительности превращалось в однопартийную систему. Будем надеяться, что объявленная этими компартиями программа будет осуществлена, ибо иного пути построения демократического социализма, как сотрудничество политических партий рабочего класса и средних слоев, — нет.

Во всяком случае, идеи демократического социализма, несмотря на все драконовские меры, живут, действуют, заставляют людей задумываться. Будущее — за ними.

А. КРАСИКОВ

ТОВАР НОМЕР ОДИН

Ни один налог люди не вносят с радостью. Но водочный налог, каким является государственная продажа спиртных напитков, они платят с величайшей охотой, с жаждой и самозабвением. Как же не увеличивать его?

Кабак издревле был государевым кабаком. Винная монополия русского государства (водка прежде называлась хлебным вином) вместе с винными откупами существовали в течение XVII века и первой половины XVIII. Затем полтораста лет практиковались одни винные откупа, после них — акцизы, а с конца XIX столетия — снова винная монополия. В советской стране винная монополия входит как составная часть в общую монополию государства на все виды производства, за самыми малыми исключениями. Частное производство водки строго карается законом.

Формы присвоения государством водочных доходов менялись в веках, но не менялась суть водочной торговли. Любопытно, какие указания давались кабатчикам еще 300 лет назад. Для каждого кабака был установлен минимальный размер выручки — предтеча наших планов. Причем предписывалось собирать кабацкие деньги «с прибылью против прошлых лет» — вот он, плановый рост из года в год! Для этого кабатчикам обещали «за прибыли ждать себе царевой милости» — чем не премия за перевыполнение? В царских директивах писалось: «Питухов не отгонять». Пейте, православные, сколько влезет!

Планы выполнялись до того успешно, что царь и бояре сами испугались неимоверно разросшегося пьянства. В 1652 году, в царствование Алексея Михайловича, был введен «Устав о кабаках», содержавший ряд прогрессивных мероприятий. Число кабаков сократили. Разрешалось отпускать каждому «питуху» только по одной чарке. В посты, по воскресеньям, средам и пятницам кабаки закрывались, а в остальные дни торговали только до обедни[1].

В то же время «устав» сохранил прежнее требование: чтобы кабатчики собирали что ни год, то больше дохода. О, Русь!

Кампания против пьянства никогда не велась на Руси слишком настойчиво. Так и в тот раз: уже в 1659 году, через семь лет, было снова предписано питухов от кабака не отгонять.

Пить и пить до полного помрачения — вот то, чему научила русского человека вся система водочной торговли на протяжении сотен лет. Жажда опохмелки на следующее после пьяного угара утро — это русское явление. Манера опохмеляться чужда большинству народов, отнюдь не чурающихся спиртного. Русское «опохмеляться» и не переводится на другие языки одним

1) Ограничение дней и часов торговли водкой считается в наши дни мерой, которая способна уменьшить пьянство. В постановлении Совета Министров СССР от 16 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» Советам министров союзных республик поручено (цитирую «Правду») «рассмотреть вопрос об ограничении или запрещении торговли водкой и другими алкогольными напитками крепостью 30° и выше в выходные и праздничные дни и принять соответствующие решения, исходя из местных условий».

В XVII веке ограничение дней и часов торговли водкой играло важную роль: бутылок на Руси еще не делали, брать водку с собой было невозможно, а хранить напитки дома (в бочонках) мог только богатый боярин. Простой народ не имел другой возможности пить, кроме как за кабацкой стойкой. Поэтому отпускать «питуху» только одну чарку или торговать только до обедни было реально действующей мерой.

Первые русские стекольные заводы XVII века изготовляли посуду для царского стола — стекло считалось роскошью. Но в современных условиях, когда спиртное продают в удобной для хранения стеклянной таре, запрещение алкогольной торговли в какие-то дни или часы имеет значение лишь для тех, кто и в праздничные дни пьет не дома, а в подворотне.

словом. Очевидно, в таком слове не нуждается тот, кто не пьет так тяжело и разгульно, как мы.

Традиция пить непременно допьяна и есть наиболее выгодная государству народная традиция.

Выяснять размеры этой выгоды в давнопрошедшие времена не будем. Попытаемся лишь установить хоть приблизительно размеры алкогольных выгод и потерь в советской стране, насколько они отражены в официальной статистике.

Проанализируем таблицу «Товарная структура розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли» в статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР в 1972 г.» (стр. 584). В ней показан рост расходов населения на покупку различных товаров, причем все виды съестного перечислены весьма добросовестно, даже соль выделена в отдельную графу, хотя она составляет менее одной семисотой доли всех продовольственных покупок населения, общая сумма которых в 1972 г. равнялась 96,5 миллиардов рублей. А из напитков назван один чай, тоже не много места занимающий в расходах — значительно меньше одного процента (0,2 проц.). Все же другие напитки, от кваса до водки, влиты в обезличенную и всеобъемлющую графу под нейтральным названием «Другие продовольственные товары». Однако, графа эта настолько многоденежна (30,9 миллиарда, т.е. 32 процента от всех продовольственных покупок), что просто диву даешься: что это за статистика, которая сваливает почти третью часть своих данных в графу «другие», даже в скобках не поясняя, что значат сии «другие»? Это совершенно все равно, как если бы кто стал описывать городское население страны и, перечислив такие города, как Абакан, Актюбинск, Алма-Ата и т.д., вплоть до Ялты и Ярославля, опустил бы все города с населением свыше миллиона, т.е. Москву, Ленинград, Киев, Ташкент, Харьков, Баку, Минск, Горький, Новосибирск, Куйбышев и Свердловск и, не называя их по имени, объединили бы их в графу «Другие города». А ведь население названных крупнейших

городов, сваленных нашим воображаемым составителем в «другие», не 32 процента, как «другие товары», а только 15 процентов всего городского населения страны.

Не правда ли, странная статистика? Она сразу насторожила бы читателя: для какой цели хитрит составитель? Такой точно вопрос неизбежно задает себе и внимательный читатель таблицы товаров. Ответ напрашивается сам собою: чтобы скрыть затраты населения на спиртные напитки. А они составляют потрясающую сумму, в чем мы сейчас убедимся.

Из аналогичных таблиц названного сборника за несколько первых лет его выхода (а его вообще-то начали публиковать с 1956 года — до того времени почти вся статистика была секретной) можно узнать следующее: графа «Другие товары» имелась в таблице всегда — иначе и быть не может: ведь список товаров слишком длинен, чтобы приводить их все до единого. Но до 1963 г. в этой графе оговаривались в скобках, какие второстепенные — именно второстепенные! — товары в нее включены: кофе, пряности, грибы, витамины, соевые изделия и прочее («прочее» — значит, еще менее весомые товары). По деньгам она, как и естественно для графы, включающей нечто второстепенное, из года в год оставалась незначительной: около трех процентов всей суммы продовольственных расходов.

Напитки же шли в те годы в таблице товаров особой графой, правда, слитые вместе: «Алкогольные и безалкогольные напитки». Все до конца никак не решались раскрыть, таков был стиль тех лет оттепели. Но и на том спасибо.

Начиная с 1964 года графа «Алкогольные и безалкогольные напитки» исчезла. Не стало ее в таблице! Зато графа «Другие продовольственные товары» за один год увеличилась больше чем в десять раз, и с той поры так и идет невероятно многоденежной. Разумеется, прежнее перечисление в скобках (кофе, пряности, грибы и пр.) также отпало. Ничего не перечисляют, просто пишут: «Другие продовольственные товары».

Сличение нескольких ежегодников (напр., за 1962, 1963 и 1964 годы) показывает, что обновленная графа выросла ровно на столько, сколько прежде составляла графа напитков. Статистическая манипуляция состоит не в том, что фальсифицируют цифры — это не всегда удобно, а в том, что сливают две графы в одну и этим способом прячут от народа быстро растущие расходы на напитки.

В результате слияния двух прежде раздельных граф («другие товары» и «напитки») мы лишаемся возможности установить, сколько же на самом деле советские потребители расходуют сейчас на те второстепенные товары, которые раньше включались в список «других» (кофе, пряности, грибы и пр.). Однако, нелепо думать, что много больше прежнего. С чего бы вдруг? Для убедительности можно провести аналогию с чаем. Составляя меньше одного процента всех продовольственных трат, расходы на чай за 12 лет (1960-1972) возросли в два раза с небольшим (с 329 миллионов рублей до 685 млн), но все же отстали от общего роста расходов на продовольствие: раньше они составляли 0,77% расходов, а в 1972 г. — 0,71%. А чай, в отличие от кофе, — национальный напиток подавляющего большинства народов СССР.

Тем не менее допустим, что все второстепенные товары, от кофе до грибов, занимают, в отличие от чая, прежнее место в балансе продовольственных расходов населения (т.е. 3 процента). Для 1972 года это составит 2,9 миллиарда рублей. Вычтя их из современной анонимной и обезличенной графы «Другие продовольственные товары», составляющей, как уже было сказано выше, 30,9 млрд. руб., получим 28 миллиардов, падающие на все напитки вместе взятые: алкогольные и безалкогольные. Займемся же их расслоением.

Не стану приводить подробных расчетов, но приму 8-10 миллиардов литров безалкогольных вод в год, т.е. в среднем на каждого жителя 80 бутылок или 200 стаканов квасу и разных вод. Это чрезвычайно завышено

— кто же покупает столько вод? В деревне и небольших городах их вообще в продаже почти нет, тогда как спиртным торгуют всюду. Да и пьют воды в основном летом. Взяв за среднее 18 копеек за литр безалкогольных напитков (что также завышено; минеральные воды стоят 20 к. литр, но квас и газированная вода вдвое и втрое дешевле), мы получим 1,8 миллиарда рублей. Округлим, завышая в третий раз, до 2-х миллиардов[2]. Кажется, довольно: мы приняли расходы на безалкогольные напитки втрое больше, чем тратит население на чай, который все пьют и зимой, и летом.

Итак, следует вычесть из современной графы «Другие продовольственные товары», кроме стоимости подлинно других товаров (кофе и проч.), еще два миллиарда стоимости безалкогольных напитков. И остается 26 миллиардов, истраченных населением на покупку спиртных напитков в госторговле и кооперации. Самогон, брагу и прочие самодельные пития, а также домашнее вино, которое в Грузии и Молдавии изготовляется в больших количествах, я ни в какие подсчеты не включаю за отсутствием показателей в официальной статистике.

Показателей нет, но авторитетное мнение крупнейшего советского экономиста, ныне покойного академика Струмилина, привести стоит. В статье акад. Струмилина

2) Аналогичные, но более детальные расчеты для 1970 года я делал в работе «Товар номер один», известной лишь узкому кругу товарищей. Там я принял расходы на безалкогольные напитки за один миллиард, но сейчас, во избежание преуменьшения, допустим, явно завышая, два миллиарда.

К слову, о минеральных водах. В статье министра пищевой промышленности СССР В. Леина («Правда», 8 июля 1974 г.) дана характерная картина производства воды «Боржоми». Ежедневно, сообщает министр, отправляют потребителям более миллиона бутылок «Боржоми». Можно бы и больше, пишет он, но «сдерживает отгрузка, которая производится вручную. Бутылки укладывают в вагоны штабелями, одна на другую, потому что нет картонных ящиков: предприятие снабжается картоном из рук вон плохо. Таких примеров можно было бы привести много». Министр не сообщает, какая часть бутылок, погруженных в вагоны штабелями, как дрова, бьется в пути, и кто в конечном счете расплачивается за изумительную систему, в которой главное — это план: выполни и отгрузи, а там хоть все разбейся вдребезги!

О водочной промышленности, также находящейся в его ведении, министр в своей обширной статье даже не упомянул. Вероятно, он бы хоть словом обмолвился, если бы дело шло о ее сокращении. Молчание порой красноречивее слов.

и проф. Сонина «Алкоголизм и борьба с ним», опубликованной совсем недавно в журнале «Экономика и организация промышленности», № 4, 1974 г., говорится: «Вероятно, в целом сейчас потребление самогона составляет не менее 50% алкоголя по отношению к водке».

И все же, положив себе за правило пользоваться только официальными цифрами, а не предположениями, я предпочитаю оперировать точными данными отечественной статистики (а зарубежной — лишь в тех случаях, если они приведены в советской печати).

По несколько отличным от вышеприведенных подсчетам, построенным на анализе таблицы «Индексы розничных цен» (тот же справочник, стр. 602), получается, что население истратило на алкоголь не 26, а на целый миллиард больше — 27 миллиардов. Это подтверждает, насколько осторожны мои подсчеты.

26-27 миллиардов — это больше четверти (27-28 процентов) всех расходов населения на продовольственные покупки в госторговле и кооперации. А если брать в расчет общую массу *всех* покупок населения в государственных и кооперативных магазинах, то траты на спиртное составят в 1972 году 15 процентов этих расходов.

Для 1970 года сумма расходов на спиртное, исчисленная аналогичным способом, составляла 23 миллиарда. За два года — рост не малый, и он подтверждается данными о погодовом росте продажи алкогольных изделий, о котором речь будет дальше.

Ни на один товар советский народ не тратит 26-27 миллиардов в год. Вообще сумма свыше десяти миллиардов тратится только на одежду и белье, если сложить их вместе (16 млрд. в 1972 г.), и мясо и колбасу, если и их объединить (14 млрд). Все другие затраты несравнимо меньше. Обувь, например, — 7 млрд., ткани — 5 с небольшим, а печатные издания, т.е. книги, учебники, газеты и журналы — менее двух миллиардов (точно — 1.951 млн.) — почти в четырнадцать раз меньше, чем на спиртное. Таков суровый язык цифр.

* * *

За 56 лет революции можно было — для чего требовалось прежде всего искреннее желание! — постепенно отучить народ по крайней мере от нашего застарелого родного обычая пить допьяна, если бы этому не мешали прямые финансовые интересы государства. «Интересы государства превыше всего» — провозглашает «Правда» в заглавии передовой статьи 28 августа 1974 года. Финансовые интересы государства с такой же силой затягивают производителей водки, с какой она сама затягивает своих потребителей. Государство еще никогда не имело столь баснословной выручки от алкогольного бизнеса, как сейчас.

В царское время, перед первой мировой войной, население России тратило на водку 900 миллионов рублей в год. Из этих 900 миллионов 200 составляла себестоимость водки, а 700, т.е. 77 процентов с лишним, казна грабила в свою пользу.

Точные цифры чистого дохода от теперешнего спиртного баланса известны лишь ничтожному числу его руководителей и приказчиков. Себестоимость алкогольных изделий превращена в ревностно охраняемую государственную тайну, ничуть не хуже любой военной тайны.

Тем не менее каждый пьющий (как, впрочем, и не пьющий) знает, что себестоимость водки относительно ниже, чем себестоимость всякого другого товара. Доходы государства взимаются для пущей неясности по разным финансовым статьям: прибыль производственная, прибыль торговая, цена оптовая, цена розничная и, наконец, налог с оборота, эта самая жирная из всех статей государственного дохода. В работе «Товар номер один» я попытался пробиться сквозь частокол этих статей и подсчитать себестоимость водки, но сейчас ограничусь более простым, пусть и приблизительным, расчетом.

В цитированном сборнике «Народное хозяйство СССР...» есть таблица «Индекс государственных розничных цен» (стр. 602). Там цены товаров 1940 года приняты за сто. Цена алкогольных изделий в 1972 году показана по отношению к тогдашней как 265. Замечу: в справочнике речь идет об алкогольных изделиях в целом, а не об одной водке, цена которой повысилась по отношению к довоенной больше, чем средняя цена всех спиртных изделий.

Вообразим, что в 1940 году государство торговало спиртным из чистой любви к подданным, без всякой прибыли сверх производственных, транспортных и торговых расходов. Вообразим также, что за 30 лет с того дня ни производительность труда в водочной и винодельческой промышленности не повышались, ни себестоимость не снижалась. Вообразим, наконец, что в водочное производство не были пущены новые виды самого наидешевого сырья (не зря изобретено водке народное прозвище «сучок»). В этом предположительном, но, конечно, невероятном случае себестоимость (предположительно равная продажной цене, которая в таблице принята за сто) составила бы около 38 процентов сегодняшней продажной цены (которая в таблице равняется 265): 100 : 265 = 38 : 100. Прибыли, следовательно, было бы 62 процента.

Но абсурдно предполагать, что в 1940 году спиртное продавали по себестоимости. Ведь торговлю водкой и ввели-то для того, чтобы изыскать дополнительные средства для индустриализации страны (о чем будет дальше сказано подробно, со ссылкой на слова Сталина). И с самого начала брали прибыль от нее немалую. Пусть от вина меньше, чем от водки, но в среднем не будет преувеличением считать, что уж процентов 30 от проданной цены спиртных напитков в 1940 г. являлось чистым доходом государства. Значит, себестоимость (плюс прочие расходы) тогда составляла 70 единиц. А сейчас эти товары продаются за 265 тех же единиц. Себестоимость, следовательно, составляет 70 : 265, т.е. 26 процентов. А суммы, идущие в доход государства, — 74 процента.

Вся современная выручка, как мы подсчитали, составляет, самое меньшее, 26 миллиардов. Из них 74 процента — 19,2 миллиарда — чистый барыш государства. В дальнейшем мы попробуем проверить эту предположительно выведенную нами цифру другими расчетами.

Весь бюджет государства в 1972 г. равнялся 175 миллиардам. Девятую часть его доходов давал алкоголь.

Девятнадцать миллиардов чистоганом — деньги колоссальные. Такими доходами не пообросаешься. На зову для сравнения несколько цифр расходов госбюджета в 1972 году: на здравоохранение и физкультуру, например, ассигновано 10 миллиардов, на социальное страхование — 8,3 млрд., на общеобразовательные школы всех видов — 7,6 млрд., на науку 7,3 млрд. (см. цитированный сборник, стр. 727).

Соблазн алкогольных барышей непреодолим. Может ли стоять вопрос о том, чтобы отменить столь огромную статью дохода? Чем ее заменишь? Но раз нельзя вычеркнуть из бюджета, то пытаются вычеркнуть из информации. И самое существо алкогольного дела — его доходность — облекается все большей и большей секретностью. Питейную тайну оберегают от того самого народа, который является ее беззащитной жертвой.

Для аналогии очень полезно привести список — далеко не полный! — серьезных экономических трудов о пьянстве в старой России, изданных за десять дореволюционных лет: П. Цытович. «Питейная монополия помещиков Польши в своих имениях», СПБ, 1907; С. А. Правдин. «Влияние урожаев на потребление алкоголя в России», М., 1911; «Труды I Всероссийского съезда по борьбе с пьянством», три тома, СПБ, 1910; В. К. Дмитриев. «Критические исследования о потреблении алкоголя в России»; Д. Н. Воронов. «Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения», Пенза, 1913; его же «Жизнь деревни в дни трезвости», П., 1916; М. И. Фридман. «Винная монополия», капитальный труд в двух томах.

Список подобных книг можно увеличить во много раз.

И все это только за 10 дореволюционных лет. А за последние сорок лет — сорок, а не десять! — невозможно назвать ни одной экономической книги, освещающей современное состояние питейного дела в СССР.

Трагический вопрос о пьянстве в СССР не исчерпаешь в десятке страниц. Тут мало и десятка томов взыскательного научного разбора: социологического, исторического и экономического, а не только популярно-медицинского, к чему у нас сведена вся антиалкогольная пропаганда.

* *
*

Пьянство в советской стране стало национальным бедствием. Но не потому, что на душу населения приходится столько-то литров спирта в год. По этому показателю мы, вероятно, уступаем Франции, где все, включая подростков и женщин, запивают еду слабеньким вином, пьют его в качестве столового напитка, как у нас, скажем, нарзан за обедом. Там запивают еду, а у нас — закусывают питье.

Впрочем, не всегда и закусывают. Вот что мне рассказал геолог, много лет работающий в районе Салехарда — там, где при Сталине замышляли построить грандиозную северную железную дорогу от Северного Урала до самого Норильска, но сумели лишь положить в тундру многие десятки тысяч (или сотни тысяч, кто их сочтет?) трупов заключенных, а затем бросили эту безнадежную «мертвую дорогу».

Местные жители, ненцы и манси, пьют не водку, а спирт, ибо в далекие северные районы возить водку нерентабельно. Мой собеседник видел, как женщина выходит из магазина с бутылкой спирта, отпивает из нее добрую половину и закусывает снегом. Он видел, как грудным детям давали спирт, причем мать объясняла: «Плачет, потому выпить хочет». И ребенок, действительно, засыпал.

Малые народы Севера начал спаивать русский купец. Но он только начал . . .

В статье «Экономика и алкоголизм» («Наука и жизнь», № 7, 1974) приведено сообщение д-ра экономических наук М. Сонина: в типовом договоре с домашней прислугой во Франции сказано, что прислуге полагается от хозяев от 16 до 30 литров вина в месяц. «Однако французские домработницы не пьяницы», — разъясняет ученый экономист. А ведь эти женщины выпивают до литра вина в день. В том-то и дело: какой напиток и как пить.

Сошлюсь также на свидетельство советского журналиста О. Орестова, прожившего в Англии шесть лет (см. его очерки в «Новом мире», №№ 7 и 8, 1974): «За шесть лет я не помню, чтобы на улице мне попадался совершенно пьяный человек... Отдадим англичанам должное: они пьют регулярно, но не стремясь к опьянению, не стараясь «докончить бутылку», зная свои лимиты. По праздникам выпивка тоже не перерастает в пьянство».

Так как на Западе, включая и наиболее пьющую страну — Францию, пьют по-другому, совершенно не так, как в нашей стране, то бессмысленно проводить количественное сравнение — сколько алкоголя приходится в год на душу населения у нас и у них. Такое сравнение — демагогия, не больше того.

Сравнение надо проводить с самим собою — таким, каким я был в прошлом, а не с кем-то чужим. Сравнив теперешнее питие с дореволюционным, мы действительно кое-что серьезное узнаем.

В среднем по России (см. статью «Вино» в Большой Советской Энциклопедии, I издание) наивысшее потребление водки было сто лет назад, в 1870 году: 0,93 ведра или 11,4 литра в год на душу (ведро = 12,3 литра). В переводе на чистый спирт это составит 4,6 литра.

Потребление водки было самым высоким в западных губерниях России, где она стоила дешевле, и более низким — в центральных. В следующие два десятилетия правительство ввело единообразные по всей стране налоги на водку, что снизило ее потребление в западных губерниях и повысило в центральных. В среднем же потребление водки стало уменьшаться и дошло до 0,57 ведра на душу в 1893 году.

Но удорожание спиртного не может долго служить регулирующей мерой. В конце концов оно перестает действовать. Так оно и вышло, и начиная с девяностых годов прошлого столетия вновь пошло повышение пития. К 1913 году душевое потребление достигло 0,63 ведра (7,75 литра) или в переводе на спирт — 3,1 литра спирта[3].

За двадцать лет (1893-1913) рост составил, таким образом, 10 процентов — никакого сравнения с нашими темпами, в чем мы в дальнейшем убедимся.

Если бы история изучала победное шествие водки, это было бы, вероятно, полезнее и благотворнее для народа, чем изучение побед Суворова в Италии. Недаром сказано, что труднее всего победить самого себя.

* * *

Предыдущие страницы целиком основаны на общеизвестных статистических материалах. Но, помимо них, имеются еще материалы для внутреннего употребления («для служебного пользования» — так называется эта форма засекречивания) — например, отчеты и сводки, имеющие обращение лишь внутри министерства. Из такого рода отчета, составленного в Главспирте в 1968 г., мы и попытаемся сейчас сделать некоторые выводы, дабы сопоставить их с тем, что удалось добыть в недрах обычной советской статистики.

Указанные «служебные» материалы касаются производства водки в России и СССР в годы 1913-1967, образуя собою сжатую историю ее победного шествия. Подумав о том непосредственном влиянии, которое способно оказать развитие какой-либо экономической отрасли на духовную жизнь народа, на его характер,

3) В народном потреблении до революции виноградное вино и пиво занимали ничтожное место. Виноградарство в России развилось лишь в начале XX века, но и тогда товарного вина изготовлялось 16 млн. декалитров, что дает около 1 литра вина в год в среднем на душу населения.

нравственность и даже быт, мы неизбежно придем к следующей мысли: рост водочного производства непосредственней и сильней действует на душу советского народа, чем развитие любой самой крупной отрасли тяжелой индустрии, хотя масштабы этих производств совершенно несравнимы. В машиностроении, например, в 1968 г. было занято почти 8,7 миллиона человек, а в водочном производстве — 42 тысячи с небольшим, в двести раз меньше.

Тем интереснее рассмотреть предлагаемую ниже таблицу, показывающую погодовое производство водки и других водочных изделий в миллионах декалитров (декалитр — 10 литров — в международной статистике сбозначается «дал»). К некоторым цифрам таблицы будут даны примечания, ибо не каждому читателю, вероятно, памятны события общей истории нашей страны, нашедшие свое отражение в развитии водочного дела.

Годы	*млн. дал*	*Годы*	*млн. дал*	*Годы*	*млн. дал*
1913	118,9	1939	109,5	1955	116,9[7]
1928	55,5	1940	92,5[6]	1956	122,5[8]
1929	55,2	1945	44,3	1957	140,2[9]
1930	61,8	1946	50,8	1958	145,4
1931	78,8	1947	41,4	1959	137,3
1932	72,0[4]	1948	30,1	1960	138,1
1933	70,0	1949	48 3	1961	145,7
1934	70,2	1950	62,8	1962	162,0
1935	70,7	1951	76,8	1963	168,9
1936	77,6	1952	81,1	1964	176,5
1937	89,7[5]	1953	95,4	1965	188,8
1938	109,2	1954	108,5	1966	198,7
				1967	213,6

4) Снижение темпов, начавшееся в 1932 г., понять не трудно: коллективизация и резкое падение урожаев. Недаром же официальная статистика скрывает урожайность этих лет: напр., в юбилейном сборнике «Народное хозяйство СССР» за 1972 г. (стр. 218) показана урожайность и за годы 1909-1913, и за все годы советской власти от 1922 до 1972, но годы 1928-1936 *исключены*.

5) Резкий рост в 1937 и особенно 1938 гг. тоже объясним: 1937 год был очень урожайным. Куда же девать хлеб? На водку его!

6) Чтобы понять снижение 1940 г., надо вспомнить договор о ненападении, заключенный с гитлеровской Германией в августе 1939 г.: немало хлеба было перевезено в Германию. Эшелоны шли до первого дня войны.

7) Подбираемся к царскому урожаю!

8) Перегнали!

9) Резкий скачок вверх соответствует прекрасному урожаю зерновых и картофеля в 1956 г.

Зная численность населения СССР за все эти годы, легко подсчитать, сколько водки приходилось на душу населения в любом из них. В 1913 — 7,5 литров на душу (выше приводились данные БСЭ — 7,75 л., расхождение на 250 граммов), а в 1967 г. — 9,1 л. Сюда не входят вино и пиво, которых потребляли во много раз больше, чем в царское время. Не входит также и самогон, который до 1915 года население не варило, а лишь после того, как царское правительство в начале первой мировой войны ввело запрет на водку, стало варить, да так, что в годы 1918-1920 на Украине появилось море разливанное самогону.

В годы 1950-1967 значительно (в 16 раз) уменьшился выпуск водки, именуемой просто «водка 40°». Вместе с тем, в пятьдесят и больше раз увеличился выпуск новых сортов: «Московская особая», «Столичная», а затем «Экстра». Трудно сказать, имеет ли это целью угодить вкусу покупателя, зато можно с полной точностью утверждать, что «Московская особая», «Столичная» и тому подобные сорта обходятся производству дешевле, а налог с оборота на них наложен более солидный.

Налог с оборота входит в состав разницы между оптовой и розничной (т.е. продажной, по которой покупает потребитель) ценой товара. Разница эта огромна, особенно для водки. Налог с оборота поступает целиком в государственную казну. Все цены — и оптовые, и розничные — заранеее устанавливаются государством совершенно независимо от производителя или торговой организации. Налог с оборота, разумеется, также. Предприятию дается возможность маневрировать в пределах оптовой цены, снижая себестоимость своей продукции

(в данном случае — спирта и водки), и если оно сумеет сделать себестоимость ниже оптовой цены, оно получает прибыль. Если же нет — оно «нерентабельно», дает убыток. Как ни странно, с точки зрения здравого человеческого смысла, но многие водочные заводы долгие годы были убыточными и получали государственную дотацию. Так, прибыль производству от обыкновенной сорокаградусной старых выпусков равнялась нулю, а то бывал и убыток. Лишь на некоторых заводах прибыль составляла 20 коп. с декалитра. Прибыль же с новых сортов («Столичная» и др.) составляет в среднем по Союзу 43 коп. на декалитр.

Себестоимость водок такова: обыкновенная сорокаградусная — от 3 р. до 3 р. 93 к. декалитр, а в среднем по стране — 3 р. 63 к. декалитр. Среди факторов, определяющих себестоимость любого товара, для спирта (а, следовательно, и для водки) имеет особое значение цена сырья (картофель, зерно, патока, отходы виноградарства и т.п.), очень разная в различных местах Союза.

Я не такой знаток питей, чтобы объяснить, почему себестоимость прочих водок, более модных («Столичная», «Особая» и т.д.), составляет по Союзу в среднем только 3 р. 09 к. декалитр, т.е. — 31 коп. литр. Но это цифра вполне официальная, хоть и мало кому известная.

Самое интересное, однако, это налог с оборота. На простой водке он составляет от 19 р. 68 к. до 42 р. 48 к. на декалитр. Но продажная цена до повышения цен составляла 47 р. 99 к. декалитр, т.е. 4 р. 80 к. литр.

С новых же сортов, нынче почти вытеснивших прежнюю «водку 40°», налог с оборота взимается куда более значительный: в среднем по стране 49 р. 56 к. при продажной цене декалитра 55 р. 94 к. (до повышения цен). Значит, с литра ценою 5 р. 60 к. непосредственно в бюджет государства шло 4 р. 95 к. Так было в 1967 году.

К вопросу о налоге с оборота мы еще вернемся, когда подойдем к 1972 году, а сейчас посмотрим уровень потребления водки по республикам. Здесь отчет охватывает не всю водку — он исключает коньяки, ликеры и

еще некоторые второстепенные сорта. В общем, из упомянутых выше 213,6 миллионов декалитров он охватывает 202,3 миллиона — вполне представительная цифра.

И вот что мы получаем, поделив данные по отдельным республикам на численность их населения в 1967 году (имеются цифры только по одиннадцати республикам). По всему СССР приходилось на душу населения в среднем 8,6 литра. А по республикам, в убывающем порядке: Киргизия — 11,4 литра; РСФСР — 10,3 л.; Эстония — 10 л.; Литва — 8 л.; Казахстан — 7,8 л.; Белоруссия — 6 л.; Украина — 5,9 л.; Узбекистан — 3,4 л.; Таджикистан — 2,9 л.; Молдавия — 2,1 л.; Грузия — 1,8 л.

Почти все эти цифры объяснимы: в республиках, производящих вино (Молдавия, Грузия), водки пьют мало. В Белоруссии и особенно на Украине, где расположено большинство сахарных заводов и где отходы сахарного производства не трудно достать каждому, особенно развито самогоноварение из этого наиболее дешевого и удобного сырья. В Средней Азии еще не научились пить по-настоящему. В Казахстане и Киргизии пьют, в основном, конечно, не казахи и киргизы, хотя для меня необъяснимо, из-за каких специфических условий в Киргизии приходится такое большое количество водки на душу.

Обозревая все эти данные и сравнивая «век нынешний и век минувший», мы видим, насколько грандиозны победы, одержанные водкой за те 52 исторических года, которые освещены в маленькой табличке, приведенной двумя страницами выше.

Теперь попробуем хоть приблизительно подсчитать, во что они вылились в 1972 году. За последние десять лет, указанные в нашей таблице (т.е. 1957-1967) темпы роста водочного производства составляли от 3,8 проц. в год в первой половине десятилетия до 5,7 проц. в год во второй половине. Темпы растущие. Если мы примем их и для следующей после 1967 года пятилетки, то найдем, что в 1972 году было произведено водки на 25-28 проц. больше, чем в 1967 году.

Примем осторожности ради меньшую из этих величин. Выйдет 267 миллионов декалитров. Наша предположительная цифра явно занижена, так как за те же пять лет общая сумма расходов на спиртные напитки, вычисленная по уже известному читателю методу, увеличилась не на 25, а на 45-46 проц., что видно из предыдущих страниц. Трудно представить себе, чтобы такое значительное увеличение расходов произошло исключительно из-за повышения цен. По всей вероятности, водки в 1972 г. было выпущено куда больше 267 миллионов декалитров. Но даже и такой выпуск дает 10,8 литров водки на душу.

Это опять же не считая вина, а его изготовлено на государственных предприятиях в 1972 году 293 млн. декалитров, т.е. почти 12 литров на душу. Домашнее вино учету не поддается. В переводе на спирт оба напитка, вместе взятые, составляют 5,8 литров на душу, — пиво давайте вовсе не считать спиртным напитком, хотя и пивом наш человек умеет накачаться до положения риз. В общем, гнусная царская монополия с ее максимумом 1870 года 4,6 литра спирта на душу оставлена далеко позади[10]. А с 1913 года (3,1 л. спирта) и говорить нечего!

От увеличения количества выпитого нельзя не перейти к росту доходов, которые оно дало государству. Себестоимость, как уже было указано выше, весьма не велика, в пределах трех с небольшим рублей за декалитр. Прибыль, которую производству разрешено оставить себе, также не велика — мы и ее видели.

С повышением цен на спиртные напитки себестоимость, надо полагать, не изменилась. Не изменились и накладные расходы торговли, а прибыль, если и выросла, то незначительно. Было 43 коп. на декалитр,

10) К цифрам, выведенным из нашей статистики, следует прибавить вероятностную цифру потребления самогона, основанную на мнении акад. Струмилина, которое я цитировал выше: самогон составляет не менее 50% алкоголя по отношению к водке. А это значит — еще около двух литров спирта, потребленного в самогоне. В общей сумме — минимум семь с половиной литров чистого спирта на душу в год.

стало, допустим, 50. Чрезмерное увеличение прибыли в каком-либо производстве (зависящее не только от усилий производства, но и от оптовой цены, заранее установленной для него свыше) неизбежно приведет к самоуспокоению хозяйственника и лишит его стимула к совершенствованию производства и повышению производительности труда на вверенном ему предприятии. Поэтому оптовая цена продукции и устанавливается такая, чтобы экономически заставить производителя постоянно заботиться об улучшении своих показателей (производительность, экономия, технология и т.д.).

С увеличением розничной, продажной цены (еще и еще раз: не путать с оптовой ценой!) ощутимо может измениться лишь одна статья государственного дохода: налог с оборота. Если при старой розничной цене налог с оборота на литре «Столичной» составлял 4 р. 95 к., то сколько он должен составить при новой, повышенной продажной цене? Совершенно бесспорно, что вся (или почти вся) прибавка пошла в этот налог.

Пользуясь данными разбираемого отчета, удается подсчитать, что сумма налогов с оборота на одной водке, не считая вина, составила в 1967 году, задолго до повышения цен на алкогольные изделия, свыше 10,1 миллиарда рублей. В тот год общий налог с оборота по государственному бюджету (см. справочник «Нар. хозяйство») составлял 40,1 миллиарда. Одна водка, без вина, дала больше четверти этой статьи дохода. Удобство этого товара поистине несравненно. Хлопот немного, а результат — блестящий[11].

11) Хлопот немного даже и тем, кто сажает картофель, употребляемый на производство спирта. Уборку картофеля, как мы все отлично знаем, уже очень давно ведут горожане: студенты, рабочие, служащие, а также ученые. Одна шестая всех государственных закупок картофеля в 1967 г. (1908 тыс. тонн) пошла на изготовление спирта. Поставив на стол бутылку водки, ученый, как и рабочий или служащий, может с полным правом заявить, что в ней есть и капля его труда.

Впрочем, в переработку на спирт с некоторого времени идет и сахар-сырец (сахар, а не отходы сахарного производства). До 1965 года его шло в переработку очень мало, но в 1965 году вдруг оказалось пущенным на спирт 87 тысяч тонн сахара-сырца. А через год — 425 тыс. тонн, и еще через год — 387 тысяч. Что же произошло в те годы? Не трудно сообразить — Куба стала продавать нам свой сахар. Спасибо товарищу Фиделю! Вот выручил!

Не так просто вычислить, сколько дал налог с оборота в последующие годы в результате роста потребления спиртного и его удорожания. Попробуем вывести хоть приблизительно. Пусть потребление водки за пять лет увеличилось только на 25 процентов — это само по себе дало в 1972 году 2,5 миллиарда налога с оборота в дополнение к 10,1 млрд. 1967 года. Но повышение цен, даже если оно и привело к некоторому снижению покупок на первых порах, все же шло, как было сказано выше, только в этот налог. Повышение составило на одной водке в среднем 20 рублей на каждом декалитре (2 р. на литре). Допустим, что повышение цен так сильно ударило по потреблению водки, что вернуло его к уровню 1967 года. Больше того — к уровню 1962 года! Но и тогда дополнительная сумма к налогу с оборота составит 3,75 миллиарда рублей.

И в итоге получается, что доход от налога с оборота на одной водке составил в 1972 году 16,3 миллиарда рублей. Но мы еще не учли налога с оборота, взимаемого при продаже вина. Конечно, он ниже, чем налог на новые сорта водки, но и вина-то продают больше. Попробуем подсчитать и эти деньги.

Приведу соотношение розничной цены разных сортов водки и налога с оборота на них в 1967 году. Цифры точные, составленные на основании данных Главспирта. Водка 40-градусная — налог составлял 55% розничной цены; водка «Особая», «Столичная» и др. дорогие сорта — 88%; сладкие наливки — 75%; коньяк — 47%. Себестоимость вин высока в сравнении с водкой, и там соотношения, очевидно, близки или даже ниже, чем у коньяка, который является виноградным продуктом. Допустим, что не 47, а только 30 проц. средней розничной цены вина идет в налог с оборота. Приняв среднюю розничную цену литра вина за 2 р. 50 к. (т.е. настолько же дешевле водки, насколько оно слабей ее — иначе покупателю будет невыгодно ее покупать), мы найдем, что налог на вино составляет в настоящее время всего

75 к. на литр (7 р. 50 к. на декалитр), в десять раз ниже, чем на водку. Куда еще меньше?

При таком (явно заниженном!) допущении общая сумма налога с оборота на вино составит 2,2 миллиарда рублей, а вся сумма налога с оборота, полученного государством от продажи водки и вина, — восемнадцать с половиной миллиардов. Эта сумма близка к той, которую я вывел в предыдущем разделе (19 миллиардов рублей). Она несколько ниже, поскольку я во всех подсчетах держался самого нижнего предела каждой из своих гипотез.

* * *

Итак, мы ознакомились с государственно-бюджетной стороной алкогольного вопроса. Но алкоголь совмещает в себе чисто фискальную функцию перекачивания денег из карманов подданных в сейфы государства с идеологической функцией: создать народу легкую утеху и утопить его мысли в бутылке. Алкоголь (в хорошей дозе, конечно) создает то самое хорошее настроение, о котором так много стали писать наши газеты. Он развлекает, он усыпляет страдающую совесть. Он делает пьяного настоящим человеком в своих собственных глазах, снимает сознание неполноценности и возвеличивает его «я». Там, где личность человека не значит ничего, алкоголь дает человеку иллюзию собственной значительности.

Именно идеологическая сторона пьянства наиболее опасна для грядущего. Она находит отражение и в производительности труда, и в трудовых (точнее — антитрудовых) навыках, и в росте преступности. Но нам, советским людям, не полагается над этим задумываться. Из всех действий алкоголя нам следует задумываться лишь над его воздействием на печень. Вероятно, поэтому нам вытрезвители нужны, но нет нужды создавать ничего похожего на американский национальный институт по борьбе с алкоголизмом (единственная союзная рес-

публика, в которой нет вытрезвителей, это Армянская ССР — там на улицах нет пьяных, ибо пьют по-другому.

Директор американского института по борьбе с алкоголизмом М. Чафетс недавно сообщил в печати (см. газету «Советская Россия», 16 июля 1974 г.), что в США сейчас насчитывается 10 миллионов алкоголиков и что злоупотребление спиртными напитками, ведущее к потерям рабочего времени, повышенным расходам на лечение и дорожным происшествиям, обходится стране в 25 миллиардов долларов в год. «Правда» (29 июля 1974 г.) также передала это сообщение, уточнив: три года назад убытки от злоупотребления алкоголем составляли 15 миллиардов, а сейчас — 25 миллиардов[12].

Цифра 15 миллиардов долларов, ставшая, как видим, уже устарелой, фигурирует и в упоминавшейся выше статье «Экономика и политика» в № 7 журнала «Наука и жизнь». Автор этой статьи спешит тут же оговориться: «Разумеется, убытки Америки для нас не образец, и ни к чему слишком прямые и грубые аналогии». Дескать, не подумайте, читатели, что и у нас такие убытки.

А мы и не думаем. Мы верим в силу социалистического строя и благотворное воздействие, которое оказывает на человека (в том числе и на выпившего человека) наш советский образ жизни. Кроме того, мы помним старую, жизненно-верную поговорку: что русскому здорово, то немцу смерть. Она явно имела в виду стакан водки, выпитый единым духом, после чего нюхают корку хлеба и глотают единым же духом второй стакан (см. Шолохов. «Судьба человека»).

Итак, ни 15, ни 25 миллиардов долларов для аналогии не годятся. К этим цифрам надо иметь свой советский подход, состоящий в том, что после вытрезвителей нам

12) «Правду» до того волнует вопрос об алкоголизме в США, что она через пять месяцев перепечатывает слово в слово добрую половину своей же собственной заметки, помещенной 5 февраля 1974 г. За недостатком места не привожу этих любопытных корреспонденций-близнецов, отсылая читателей «Правды» к ее февральским и июльским комплектам: можно полистать и сличить.

другие национальные институты по борьбе с алкоголизмом не нужны. И в речах и докладах не надо об этом говорить.

Первый и последний раз о водке откровенно сказал Сталин в беседе с иностранными рабочими делегациями 5 ноября 1927 г. (см. Соч. Сталина, т. 10, стр. 232): «Когда мы вводили водочную монополию, перед нами стояла альтернатива: либо пойти в кабалу к капиталистам, сдав им целый ряд важнейших заводов и фабрик, и получить за это известные средства, необходимые для того, чтобы обернуться; либо ввести водочную монополию для того, чтобы заполучить необходимые оборотные средства для развития нашей индустрии своими собственными силами и избежать, таким образом, иностранную кабалу»[13]. Далее Сталин сказал, что «водочную монополию мы ввели как временную меру», и сообщил, что сейчас (т.е. в 1927 г.) водка дает более 500 миллионов рублей дохода, но «наша политика состоит в том, чтобы постепенно свертывать производство водки. Я думаю, что в будущем нам удастся отменить вовсе водочную монополию», — заключил он.

Логика вещей оказалась сильнее сталинских оптимистических прогнозов. Как и во многих других случаях, жизнь показала их беспочвенность. О прекращении торговли водкой, которую Сталин охарактеризовал как временную меру, нет речи и сейчас, через полстолетия после ее возобновления в 1923 году. «Временная мера» сделалась постоянным бедствием.

Уже тогда, в 1927 году, раздавались предупреждающие голоса: путь водочных доходов никогда не ведет вверх, но всегда — вниз, и питейные прибыли неминуемо обернутся величайшими несчастиями и для народа, и для той самой промышленности, ради которой их собирают. К этим трезвым голосам Сталин не пожелал прислушаться — и результаты налицо.

Названная Сталиным цифра дохода (500 млн.) со-

13) Цитирую буква в букву: «избежать иностранную кабалу». Исправлять Сталина никогда не дозволялось.

ставляла тогда одну десятую часть доходов бюджета — они равнялись в тот год пяти миллиардам. Демагогическая постановка вопроса — либо в кабалу к капиталистам, либо продажа алкогольной отравы своему народу — говорит лишь о том, что Сталин не умел видеть никаких иных путей, кроме этих двух. Как всякий прагматик, он жаждал лишь немедленного эффекта, не умея и не желая думать о дальнейших последствиях. Между тем, уже тогда был хорошо известен опыт запрещения водки царским правительством в годы первой мировой войны. В 1914-1915 гг. прекращение продажи водки повысило производительность труда рабочих на 7 процентов, а по некоторым подсчетам, еще больше.

Накапливать средства бюджета посредством спиртного — это худшая разновидность самого худшего косвенного налога, который всегда ложится на малообеспеченных более тяжким бременем, чем на состоятельных. Если даже допустить, что получающие невысокую зарплату пьют столько же, сколько те, кто зарабатывает больше, то в расходах их семей спиртная доля выше, чем в обеспеченных семьях. Более же всего страдают от пьянства не сами пьющие, а их жены и дети, что очень давно известно. Поэтому любое увеличение прямых налогов, которые в наше время повсеместно имеют форму подоходного обложения, являются более справедливой, более целесообразной и более дальновидной мерой, чем «заполучать оборотные средства», по выражению Сталина, через алкогольную торговлю.

Сталин, собственно, лишь беззастенчиво сказал то, что другие делают, но не говорят.

За последние десятилетия никто, ни в одной речи не поднимал вопроса во всем его объеме (о книгах я уже упоминал). В царской России не боялись созвать Всероссийский съезд по борьбе с пьянством и издавать его труды — они названы выше в списках книг. Разумеется, такой съезд не может быть парадным мероприятием с речами, полными славословий. С той незабываемой поры, как в 1934 году состоялся XVII съезд партии, тут

же окрещенный «съездом победителей» (что ничуть не помешало Сталину вскоре расстрелять подавляющую часть его делегатов), — с той поры у нас установился определенный стиль подобных мероприятий, которому съезд по борьбе с пьянством вряд ли мог соответствовать.

И все-таки Постановление ЦК КПСС о борьбе с пьянством было: в 1972 году, в июне. Изложенное в «Правде» в ста строках, оно называется «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Постановления высших органов у нас не принято критиковать, и боже меня упаси нарушить эту советскую традицию. Больше все места в постановлении занимают мероприятия «по широкому развертыванию массовой работы», «усилению противоалкогольной пропаганды», бесплатной демонстрации противоалкогольных фильмов и «улучшению организации культурного досуга» (последнему посвящен один абзац, а все остальное — усилению массовой работы и пропаганды).

С тех пор фотографии распухшей печени алкоголика стали украшать общественные места. Только там, где чаще всего бывают пьющие люди — у дверей магазинов, торгующих спиртным, — мы этих фотографий почему-то не видим. Зачем отгонять питухов?

Что касается административных и экономических мер борьбы с пьянством, то они изложены в другом, одноименном постановлении, вынесенном Советом Министров СССР на той же неделе, 16 июня 1972 года: «Госплану СССР, Министерству пищевой промышленности и Советам министров союзных республик поручено предусмотреть в годовых планах осуществление мероприятий по обеспечению сокращения производства и потребления спиртных напитков и значительному увеличению выпуска виноградных вин и пива». Так гласит один из основных пунктов (из которого, между прочим, выясняется, что вино и пиво официально не считаются спиртными напитками: выпуск спиртных напитков сократить, а выпуск вина значительно увеличить). Далее Советам министров поручено рассмотреть вопрос об

ограничении часов и дней торговли водкой, о чем я уже упоминал в предыдущем изложении.

О повышении цен на алкогольные напитки в обоих постановлениях не публиковалось. Известно, что это — многообещающая и давно испытанная мера борьбы с пьянством. Единственный ее недостаток — она действует ровно столько времени, сколько надо, чтобы народ примирился с новой ценой. А народ-то у нас покладистый, он ко многому привыкает.

Но о том, как народ делом отреагировал на заботу о его трезвости, мы поговорим в дальнейшем, когда дойдет очередь до разбора погодовых данных потребления спиртного. Прежде чем к ним обратиться, коснемся вопроса о спутниках и последствиях пьянства.

* * *

Одно из последствий пьянства, о котором говорит и американец Чафетс, — это автомобильные аварии, уносящие тысячи жизней. В большой статье, посвященной безопасности автомобильного движения в нашей стране («Правда», 8 октября 1974 г.), начальник управления ГАИ МВД СССР В. Лукьянов говорит: «Анализируя нарушения правил движения, нетрудно определить одну из главных причин — алкоголь. Около четверти дорожно-транспортных происшествий вызвано зеленым змием... Говоря об алкоголе, многие, как правило, имеют в виду лишь водителей. Между тем, доля происшествий, причиной которых послужило нарушение правил движения прежде всего пьяными пешеходами, увеличилась с 7,6 проц. в 1971 году до 8,2 проц. в 1972 году».

Ясно: четвертая часть всех аварий происходит из-за алкоголя, а из них третья часть — из-за пьяных пешеходов. Но не ясно: сколько их, аварий-то? На этот счет в статье приведены сплошь проценты и лишь одна абсолютная цифра. Процитируем: «В Иркутской области, например, количество несчастных случаев за 8 месяцев

выросло на одну треть. При этом там погибло 318 и ранено 1375 человек».

Иркутская область — безусловно не самая богатая автомобилями область СССР. Но раз официальные цифры говорят только о ней, попробуем сравнить их с данными о жертвах автотранспорта на Западе, о чем наши газеты пишут без устали.

В Иркутской области на 1 янв. 1973 года жило 2,381 тыс. чел. Значит, в месяц там гибнет в автоавариях один человек на 60 тысяч жителей. В Италии на 55 миллионов жителей в августе нынешнего года погибло 825 чел. («Правда», 2 сент.). Это значит — ежемесячно один на 66 тысяч, благополучнее, чем в Иркутской области. В Париже, по сообщению «Литературной газеты» (см. целую страницу, посвященную этому вопросу в № от 9 окт. 1974 г.), в год гибнет в автомобильных катастрофах 300 человек, т.е. в месяц — один человек на 120 тысяч жителей — ровно вдвое благополучнее, чем в Иркутской области, и то, если считать Париж без пригородов. А если с пригородами (из текста «Л.Г.» не ясно, какой Париж имеется в виду — «большой» или «малый»), то выходит один на 320 тысяч, в пять раз благополучнее Иркутской области. «Правда», которая очень интересуется числом автомобильных жертв на Западе и постоянно сообщает о них своим читателям, два дня подряд — 7 и 8 декабря 1974 г. давала самую свежую информацию об этом предмете: катастрофы в Дании и катастрофы в Бельгии. В Дании выходит, если соотнести число погибших с численностью всего населения, один на 54 тысячи, в Бельгии — один на 63 тысячи.

И, наконец, сравним себя с США, этой классической страной автомобилизма и катастроф, где ежедневно, как сообщает «Правда» (15 авг. 1974 г.), гибнет под колесами 150 человек. На 210 миллионов их населения выходит в месяц один на 46,5 тысяч. Если учесть огромную разницу в степени автомобилизации на Западе и в Иркутской области, то становится просто страшно. Почему всего за 8 месяцев количество несчастных случаев во-

зросло на одну треть? Ясно, что за столь короткий срок дороги не могли так сильно испортиться. Правильно другое объяснение: увеличилось количество строек, а вместе с ним и автомобильное движение. На сколько — мы не знаем, но уж во всяком случае не до уровня Италии и, конечно, весьма далеко до уровня Парижа и США. По авторитетному заявлению автора статьи около четверти происшествий вызвало «зеленым змием». Мы знаем, что контроль милиции в крупных городах значительно лучше, чем на дорогах обширных дальних областей, так что среднюю цифру «четверть» надо дифференцировать: в Москве много меньше четверти, в дальней области — много больше. И стоит в такой области сколько-нибудь увеличиться движению, как сразу подскакивает цифра погибших под колесами.

Так обнаруживается, что наше благополучие, постоянно превозносимое в наших газетах, не выдерживает статистического анализа, едва перед нами приподнимут хоть краешек завесы, скрывающей правду о действительной жизни страны.

* * *

Перейдем к другим спутникам пьянства. Они спутники, но не порождение: в низкой производительности труда и в преступности водка не является первоосновой, фундаментом, почвой явления. Почва другая, называть ее своим именем не позволено, и я ее касаться не буду. Алкоголь служит как бы удобрением. Оно разбрасывается и заделывается в ту почву, на которой растут эти явления. Сеем семена, щедро изготовляем и с большим барышом продаем удобрение в сотнях миллионов бутылок, сопровождая торговлю елейными газетными статьями о вреде алкоголя. Галочка поставлена: мероприятие проведено. Вот и «Литературная газета» напечатала (10.VII.74) целую страницу под заглавием «Сильнее сухого закона», в которой все есть, кроме одного: анализа алкогольного вопроса.

Открывается эта страница «Л.Г.» драматическим письмом одного жителя Минска. Он пишет: «Мое предложение вытекает из личного более чем десятилетнего опыта борьбы с алкоголизмом сына и наблюдения за такими же ребятами из нашего двора — я знаю пять подобных ему парней. Так сколько же их всего в нашем городе? Во всей стране?»

В самом деле — сколько, если шесть парней (парней! молодых, значит) в одном дворе? Действительно, институт по борьбе с алгоколизмом нам не нужен.

И отец парня-алкоголика пишет, а «Литгазета» совершенно серьезно печатает его письмо: «Изолировать алкоголиков в каких-то поселках, где неуклонно, без всяких исключений проводился бы «сухой закон», — разумеется, при надлежащей охране таких населенных пунктов. Я твердо убедился, что если алкоголик не может получить питья, то через месяц-два он уже может нормально трудиться и жить. Но стоит ему выпить десять граммов, как его влечет в пропасть, и все идет прахом». Далее он добавляет: «Любящие родные охотно согласились бы поселиться с ним там».

«Надлежащая охрана» таких населенных пунктов означает, что они территориально не слишком обширны, иначе не охранишь, но населены вместе с тем густо, иначе слишком много придется построить. Одним словом, это значит — зона, колючая проволока, вышки, часовые, вахта, без чего «надлежащей охраны» нет. И, конечно же, обыск на вахте: бутылку-то и в кармане пронести легко. Любящих родных тоже обыскивать. Они ведь из жалости к родному дитятку могут пронести те самые десять граммов, от которых все начинается сначала . . .

Так это ведь лагерь! И к тому же — пожизненный или во всяком случае без предварительного указания срока, а пока алкоголик совсем выздоровеет. Выздоровление же, учитывая, что от десяти граммов все идет прахом, — дело весьма неопределенное.

Это лагерь не только бессрочный, но и особо жестоко

охраняемый, ибо при обычной охране, как мы знаем, водку отлично удается проносить. Вот какой проект вносится через «Литературную газету», а она, эта охранительница гуманизма, даже не замечает, что за психология коренится в основе этого предложения, которое, впрочем, давно уже осуществляется в форме высылки «тунеядцев» в отдаленные места нашей великой Родины. Надо лишь расширить круг высылаемых и взять отдаленные места (деревни, села, районы) под «надлежащую охрану».

Давно уже утвердилась у нас психология борьбы со всяким общественным злом (да и личным тоже: ходят ведь жены в разные инстанции с жалобами на неверных мужей!) посредством административного нажима и устрожения того, что у нас зовут порядком. «Обнаглели, порядка нет, вот при Сталине был порядок!» — эти слова слышатся частенько. Люди, считающие себя образцовыми в смысле подчинения порядкам и предписаниям свыше, хотят засадить всех остальных под надлежащую охрану. И таким способом будут решены все проблемы, пьянству будет поставлена неодолимая преграда, а с уменьшением пьянства уменьшится и преступность, с которой, впрочем, основная борьба ведется в зонах с очень хорошей охраной.

О том, как сильна связь между пьянством и преступностью, знают все. В уже называвшейся статье журнала «Наука и жизнь» приведены кой-какие скупые цифры на сей счет. Так, по данным председателя Верховного суда РСФСР Л. Смирнова, в РСФСР совершенно в состоянии опьянения 55,8 проц. всех краж, 79,9 проц. всех грабежей и 69,3 проц. всех разбойных нападений. Невозможно говорить об одном из этих общественных недугов, обходя другой.

Борьба с преступностью идет энергичнее, чем борьба с пьянством: преступность не прибыльна, а весьма убыточна. Для ее искоренения содержится огромный аппарат, стоимость которого, разумеется, целиком засекречена. Размеры этой преступности составляют еще большую тайну, чем размеры пьянства: о спиртном удается найти хоть какие-то куцые цифровые данные, о преступности в лучшем случае одни проценты, эти удобнейшие из всех цифр на свете.

В свое время А. Вышинский, тогдашний генеральный прокурор СССР, показал своим эпигонам достойный пример, как надо жонглировать процентами. В 1936 году, на 8-м Чрезвычайном съезде Советов, он нарисовал картину такого благоденствия, что казалось: еще пятилетка, и тюрьмы опустеют, а надзирателям придется переквалифицироваться на какую-нибудь менее интеллигентную специальность. «Если число осужденных, — докладывал Вышинский, — в первой половине 1933 года принять за сто, то в РСФСР в первой половине 1936 г. число осужденных будет равняться лишь 51,8 проц., в БССР — 24,5. Снижение числа осужденных мы имеем и в УССР, и в закавказских, и в среднеазиатских республиках... Если принять число зарегистрированных преступлений в первой половине 1934 г. за 100 (по Союзу), то в первой половине 1936 г. это число выразится в 59,8. За тот же период времени число невооруженных ограблений сократилось на 66,4 проц., вооруженных ограблений — на 69,8 проц., краж — на 35,2 проц. Эти цифры говорят о громадном успехе, об одной из крупнейших побед социализма» («Известия», 29 ноября 1936 г.).

Итак, число осужденных в Белоруссии за три года уменьшилось в четыре раза. При таких темпах преступность, сокращаясь каждые три года вчетверо, уже ко дню блаженной кончины Вышинского должна была составить не более пяти сотых (0,05) процента в сравнении с 1934 годом. А она и через сорок лет настолько выше цифры 0,05, что никаких точных данных о ней нигде не публикуют. Проценты иногда приводятся, далеко, впрочем, не такие радужные, какими смело сыпал Вышинский. Но проценты без единой абсолютной цифры это ведь не информация, а ее суррогат, годный только для показухи и для нее одной так широко применяемый.

За весь 1973 г. и первую половину 1974 г. в журнале «Социалистическая законность» напечатана лишь одна статья с кое-какими, сведенными к голым процентам данными, подтверждающими все ту же истину: преступность у нас неуклонно снижается. Как начала у Вышинского в 1934 году падать, так и доныне сорок лет все падает и падает, да только земли никак не коснется. В № 7 названного журнала за 1973 г. напечатана статья члена коллегии прокуратуры СССР П. Кудрявцева «Опыт борьбы с преступностью в Эстонии». Выпишем из нее те места, где говорится о снижении преступности:

«В последнее время в Эстонской ССР, наряду с общим снижением преступности, все меньше совершается тяжких преступлений. Напр., в 1972 г. по сравнению с 1970 количество умышленных убийств сократилось на 38 проц., тяжких телесных повреждений — на 24 проц., изнасилований на 17 проц. (а по сравнению с 1967 г. на 40 проц.). Заметно меньше стало таких распространенных преступлений, как злостное хулиганство — на 50 проц. в сравнении с 1967 г., а мелкое хулиганство более чем на 30 проц.».

После фразы, признающей, что злостное хулиганство является распространенным преступлением, идет благая весть о следующем достижении: «Если в 1967 г. кражи личного имущества граждан, хищения и хулиганство составляли более 62 проц. всех преступлений, то в 1972 г. их доля значительно сократилась и составила 43,4 проц.». И далее: «в 1967 г. хулиганство составляло 24,7 проц. всех преступлений, а в 1972 г. только 11,5 проц.».

Вдохновляющая картина! Но вот вопрос, на который я не могу придумать оптимистического ответа: раз в каком-то году кражи, хищения и хулиганство составляли 62 процента всех преступлений, а потом снизились до 43,4 проц., то это значит, что все другие преступления, составлявшие раньше 100 минус 62, т.е. 38 проц., теперь повысились до 100 минус 43,4, т.е. до 56,6 проц. Совершенно то же самое с хулиганством, выделенном

особой цифрой: раз оно в составе всех преступлений стало занимать меньше места (11,5 вместо 24, 7 проц.), то это значит, что остальные преступления стали занимать соответственно больше места, а именно: вместо 75,3 проц. (100 минус 24,7) стало 88,5 проц. (100 — 11,5).

Нехорошо получается, когда автор считает своих читателей кретинами, неспособными решить элементарную задачу на вычитание. В том-то и состоит неудобство изображения истины в одних голых процентах, что попытка прикрыть этими двумя маленькими ноликами какую-то стыдную часть истины неизбежно обнажает другую, равно стыдную часть.

Теперь легко понять, по какому способу у нас неизменно снижается преступность. Зато о преступности на Западе в названном выше журнале, как и во всей нашей прессе, имеются подробнейшие сведения. Тут и численность наркоманов, и количество убийств, и кражи, и ограбления — и все не в процентах, а в недвусмысленных прямых цифрах, заимствованных из официальных источников. Из всех цифр вытекает, что преступность на Западе растет. Официальные органы в капиталистических странах не боятся печатать цифры, говорящие о росте преступности. А мы — свои достижения и то не показываем в прямых цифрах. Странная скромность!

В «Известиях» 4 июля 1974 г. помещена заметка:

«Свыше миллиона преступлений совершено в 1973 году в Англии и Уэльсе. Согласно опубликованным в ежегодном отчете британской полиции данным, число преступлений с применением насилия возросло почти на 18 проц. по сравнению с 1972 годом. Расходы на содержание полиции в Англии и Уэльсе достигли в 1972-1973 годах 425 миллионов фунтов стерлингов».

Так как у нас в стране преступность снижается, то расходы на содержание нашей милиции нам знать нет смысла. Это государственная тайна. Однако об Англии мы из приведенной заметки узнали, кроме данных о преступности, прелюбопытную вещь: оказывается, бри-

танская полиция ежегодно отчитывается («опубликованные в ежегодном отчете полиции данные») перед своим народом, да заодно и перед всем миром — газету-то во всем мире читают.

Так, желая подчеркнуть английскую преступность, «Известия» нечаянно рассказали об английской демократии.

Аналогичное сообщение, на этот раз о Японии, читаем в «Правде» 29 июня 1974 г.: «1.190.549 преступлений совершено в прошлом году в Японии. Эти данные содержаться в Белой книге японского национального управления полиции». Японская полиция, значит, также отчитывается перед своим народом и всем миром. И не в газетной статье, а в специальной Белой книге, и в точных абсолютных цифрах.

У нас народ тоже может кое-что узнать из журнала «Социалистическая законность». В уже цитированной статье сообщается: «Анализ статистики свидетельствует, что значительное число не только мелких правонарушений, но и опасных преступлений совершают подростки». Так и сказано, но без уточнения, сколько это — «значительное число», ибо советскому читателю самостоятельно анализировать статистику не следует: еще доберется до «других товаров».

Молодежь, как хорошо известно и без журнальных статей, составляет основную массу тех, кого называют хулиганами. Но найти источник этой злокачественной общественной язвы не просто. В том ли корень зла, что молодежь втягивается — да и не может не втянуться! — вслед за старшими в потребление спиртного? Или в том, что распустилась и «обнаглела», как выражаются любители сталинского порядка? Но тогда почему распустилась? Все это трудно установить без глубоких социальных исследований, которые более всего нужны народу, но менее всего тем, кто торгует спиртным, но скрывает размеры его потребления, и кто борется с преступностью, но избегает отчитываться перед народом о своей борьбе в прямых и честных цифрах.

А без общественного анализа общественной болезни лечить ее невозможно. Будучи по характеру своего распространения сходна с раком, она отличается от него тем, что тут хирургия мало применима. И уж во всяком случае оперировать больного, уверяя, что у него не рак, а всего только полип, тут недопустимо.

* * *

Пьянство, преступность, хулиганство принадлежат к разряду общественных болезней, о которых все люди стремятся судить — и имеют на то право! — даже не располагая всеобъемлющими данными. От вопросов высокой политики, от дискуссии о правах человека можно отмахнуться — дескать, меня не касается или — не моего ума дело. Но от хулиганов не отмахнешься, так же, как от шести парней-алкоголиков в одном только дворе. И каждому хочется и нужно знать: растет эта беда или уменьшается?

Поскольку преступность и пьянство — явления безусловно сложные, и невозможно предполагать, что преступность станет уменьшаться при параллельном увеличении пьянства, то мы вправе судить о двух этих явлениях, исследуя с известной уверенностью лишь одно, а именно то, о котором хоть какие-то данные просачиваются. Подумаем же над вопросом, который мне кажется самым важным: куда идет дело? какова его динамика? Да постараемся оперировать статистическими цифрами серьезнее и, главное, честнее, чем оперировал ими верховный блюститель чести и совести генеральный прокурор Андрей Януарьевич Вышинский.

В применении к спиртному на поставленный выше вопрос удается найти ответ только в такой форме: растет ли его потребление или нет? Мы не можем судить, как отражается потребление на характере пития: меняется ли он от того, что меняется состав напитков? Думается, однако, что многовековой традиционный способ употребления спиртного не подчиняется модерни-

зации напитков, а, напротив, подчиняет ее себе. Если укоренено пить допьяна, то не имеет большого значения, пить ли разбавленный спирт, или водку, или пиво в смеси с водкой, или крепленое вино. Поэтому мы будем рассматривать алкогольные изделия суммарно, как они даны в статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР в 1972 г.», неоднократно цитированном. Из объемистой таблицы на стр. 555 приведу лишь восемь наиболее крупных граф.

Рост продажи важнейших товаров народного потребления в государственной и кооперативной торговле (в сопоставимых ценах)

В процентах к 1940 г.

	1940	*1960*	*1965*	*1970*	*1971*	*1972*	*1973*[14]
Все товары	100	326	425	646	690	737	775
Продовольств. товары	100	264	360	511	540	570	598
Мясопродукты	100	531	661	958	в 11 раз	в 12 раз?	в 11,9 раза
Алкогольные изделия	100	200	283	439	472	501	534
Непродовольст. товары	100	436	567	894	966	в 10,5 раза	в 11 раз
Одежда и белье	100	394	530	878	936	977	987
Обувь кожан.	100	536	507	785	811	844	895
Радиоприемники и радиолы	100	в 27 раз	в 32 раза	в 37,6 раза	в 37,5 раза	в 38 раз	в 38 раз

14) Данные, относящиеся к 1973 году, разумеется, взяты не из сборника за 1972 г. Они заимствованы из вышедшего недавно краткого статистического сборника «СССР в 1973 году», ежегодно выпускаемого за несколько месяцев до выхода основного издания в том же издательстве «Статистика» и под той же редакцией. Тем более странным кажется такое расхождение: в графе «Мясопродукты» справочник «Народное хозяйство» указывает для 1972 года увеличение в 12 раз. Справочник «СССР в 1973 г.» повторяет без изменений все цифры предыдущих лет, кроме цифры продажи мясопродуктов: в столбце 1972 года он показывает увеличение не в 12 раз, как показывал основной справочник, а в 11,6 раза (я обозначил эти две разные цифры вопросительными знаками). Если в основном справочнике это было ошибкой (компьютер, верно, наврал!), то полагается в следующей книжке это оговорить: мол, исправляем неточность. Таково непременное правило научной добросовестности, которая, как это ясно видно, чужда редакции сборника. Кстати, неточность в денежном выражении составляет всего-навсего 465 миллионов рублей (мясопродуктов, очевидно, означающих мясо и колбасу, продано в 1972 г. на 14 с лишним миллиардов).

В цитируемой таблице названы еще многие другие товары, и почти все они по темпам роста продажи обгоняют алкогольные изделия. Создается идиллическая картина: потребление спиртного хоть и растет (в пять с лишним раз против 1940 года), но оно как бы является результатом общего роста благосостояния. Дескать, народ наш покупает чуть не в восемь раз больше товаров, чем он покупал до войны, ну и водку тоже берет, но лишь в пять с чем-то раз больше довоенного. Зато, глядите, радиоприемников покупает в 38 раз больше, чем в 1940 году (таблица, не забудем, дана в сопоставимых ценах, так что вздорожание или удешевление товаров не влияют на ее показатели).

А правильно ли исчисление динамики развития, по которому отправная точка так далека от нас — 33 года? Добросовестно ли оно? Показывает ли оно современную тенденцию? И можно ли брать за сто довоенный сороковой год, когда подавляющее большинство товаров были дефицитны (мясо, одежда, ткани, обувь, мебель и т.п.), а некоторые товары еще только-только начали изготовляться (трикотаж, радиотовары, мотовелосипеды), в то время как водка дефицитной не была и новым товаром отнюдь не являлась?

С любой точки зрения брать 1940 год в качестве отправной позиции для статистического сравнения заведомо не верно. Современную тенденцию такая таблица не показывает, а дает искаженную (и, конечно, умыш-

ленно, а не случайно искаженную) перспективу. Гораздо верней получится картина, если мы возьмем за исходную позицию более близкий к современности год. В таблице он имеется: 1960-й. Никаких новых данных мы в таблицу не станем вводить. Просто пересчитаем ее, взяв за сто цифры 1960 г. Итак, та же таблица в процентах к 1960-му году.

	1960	*1965*	*1970*	*1971*	*1972*	*1973*
Все товары	100	133	198	212	226	238
Продовольственные товары	100	136	193	204	216	226
Мясопродукты	100	124	180	207	226? 210?	224
Алкогол. изделия	100	142	220	236	250	267
Непродовольственные товары	100	130	206	223	242	253
Одежда и белье	100	134	223	237	248	251
Обувь кожаная	100	142	220	228	237	251
Радиоприемники и радиолы	100	118	140	140	141	141

Такова истинная картина современной динамики покупок населения: рост не в пять раз по одним товарам (алкогольным) и в 38 раз по другим (радио), а более или менее равномерное движение всех покупок, причем предметы длительного пользования отстают, как оно и происходит в действительной, а не подтасованной хитрыми статистическими фокусами жизни. Особенно же важно, что, начав отсчет с 1960 года, мы видим картину только что минувшего, а не давнопрошедшего дня, и из нее можем правильно понять сегодняшнее и представить себе завтрашнее. И сразу бросается в глаза, что спиртное лидирует. В 1973 году его прирост к 1960 году составил 167 процентов — впереди одежды, покупка которой, надо заметить, особенно возросла благодаря тому, что покупка тканей возросла весьма незначительно (цифр не привожу, чтоб не перегружать изложение, см. цитируемый справочник, стр. 555).

В свете этих неопровержимых цифр, взятых из официальной статистики, сделанные мною на предыдущих страницах предположения насчет роста продажи водки в 1972 году (25 процентов прироста за пять лет) выглядят чрезвычайно осторожными. Допущенная мною величина прироста явно занижена и, следовательно, занижены и предположительные размеры налога с оборота, полученного на спиртном (18,5 — 19 миллиардов). Так из статистического сборника, прочитанного с тем вниманием, какого заслуживает всякий научный труд, удается выудить те сведения, которые он призван запрятать в глубине своих таблиц . . .

Но вернемся к нашим товарам.

Справедливости ради добавлю, что некоторые товары, перечисленные в справочнике, но мною опущенные, идут и в последние годы впереди спиртного по темпам роста потребления. Это в основном товары, широкое производство которых и продажа через госторговлю развились лишь в самое последнее время: ювелирные изделия, трикотаж, чулки, мебель, фаянсовая и стеклянная посуда, яйца и сыр. Из названных товаров только трикотаж представляет собой весомую величину (продано в 1972 г. на 7,8 млрд.), а остальные не могут считаться важнейшими товарами. Но ни трикотаж, ни мебель, ни что другое не отрицает лидерства алкоголя. Он как был, так и остается товаром номер один.

Чтобы быть более точным, можно сказать так: спиртное — мужской товар номер один, трикотаж — это товар, которым женщины как бы оспаривают мужские достижения. Но какая огромная количественная разница! 26-27 миллиардов рублей — мужчины и 7,8 миллиарда — женщины (часть спиртного, конечно, пьют женщины, но и часть трикотажа носят мужчины). А что в перспективе? При всей модности и удобстве трикотажа это все же товар большего срока пользования, чем алкоголь, который купил и враз выпил. «Трикотажный взрыв» скоро кончится, и огромные очереди за импортными кофточками, надо надеяться, сократятся (чтобы

заменится очередями за чем-нибудь другим). Трикотаж станет более или менее рядовым товаром, и рынок им насытится. А вино и водка? Насытится ли ими рынок?

На одежду, мебель, мясо, сыр и т.д. одни и те же люди тратили в последние годы значительно больше, чем в 1960 г. Общий рост материального благополучия во всех развитых странах мира огромен, и он не мог не затронуть и нашу страну. Это одно из следствий научно-технической революции, охватившей мир. Стало просто невозможным, чтобы советский народ слишком отставал от англичан, финнов, шведов, венгров и многих-многих других. Надо подтягивать. И подтягивать стали. В итоге один и тот же советский гражданин, раньше имевший две пары обуви, заводит себе четыре, вместо двух костюмов покупает три, приобретает телевизор, начинает есть ананасы и апельсины и т. д.

Рост покупок советских людей идет по следующим каналам: увеличение массы товаров, ранее бывших дефицитными, появление новых или модернизированных товаров (трикотаж, шелковое белье, магнитофоны, автомобили), модернизация и улучшение питания (белый хлеб, импортные фрукты, мясо)[15].

15) Мне кажется правильным выделить потребление мяса, чтобы сравнить его с потреблением спиртного. Не следует обольщаться цифрой 124 процента прироста покупок мясопродуктов («мясопродукты» — это не одно мясо, но и колбаса) в госторговле в сравнении с 1960 годом, как и увеличением в 12 раз против 1940 года. Мясом торгуют и государственные магазины и колхозники на рынке, и если его продажа через магазины увеличилась с 1940 года в двенадцать раз, то это вовсе не значит, что все население СССР стало потреблять в 12 раз больше мяса, чем до войны. Это ведь нелепость, которой можно затуманить голову лишь ребенку. Вот с водкой дело действительно обстоит так, что сумма продажи через магазины и сумма народного потребления целиком совпадают, ибо ею, торгует только государство через свою торговую сеть (самогон, который я с самого начала исключил из подсчета, мы во внимание не берем).
Прирост потребления мяса в среднем душевом исчислении приведен в других таблицах тех же статистических сборников («Народное хозяйство СССР в 1972 г.», стр. 557, и «СССР в цифрах в 1973 г.», стр. 190): в них 1940 год почему-то не показан, хотя есть 1913-й (28 килограммов на душу населения в год). В 1950 году было 26 кг., т.е. все еще меньше дореволюционного уровня, в 1960 — 40 кг., в 1970 — 48 кг., в 1972 — 51 кг. (прирост за два года — 6 проц.), в 1973 — 52 кг. (прирост за этот год два процента). Никакого роста в 12 раз, конечно, нет и в помине. В этих цифрах показано именно потребление мяса (наша статистика в отличие, скажем, от английской включает в эту графу под общим названием «мясо» так же и сало, и птицу, и субпродукты — так и пишут в скобках).

Во всех этих случаях, а они обнимают подавляющую часть покупок населения, круг покупателей тот же, что и десять и двадцать лет назад. Только каждый покупает либо больше прежнего, либо что-то лучшее, либо нечто новое. Численность потребителей растет лишь настолько, насколько увеличилось население, т.е. на 17 процентов за интересующие нас тринадцать лет. Это, конечно, отразилось на росте потребления, но в небольшой степени.

Так и 167 процентов прироста потребления спиртного лишь в небольшой степени обязаны увеличению населения. Тут действовали другие факторы. Какие?

Вряд ли те же самые, которые привели к увеличению продажи костюмов, трикотажа или мяса. В отличие от этих товаров наш рынок был насыщен спиртными напитками предостаточно во все времена. Нелепо было бы также предполагать, что те же самые люди, которые пили тринадцать лет назад по четыре, предположим, бутылки в месяц, стали нынче пить по десять бутылок. Кое-кто наверно увеличил свое питие (отчего возрос алкоголизм), но ведь мы исследуем всю массу покупок водки и вина, а не покупки алкоголиков.

Стремительный рост потребления спиртного во всей стране не мог произойти за счет старых покупателей. Не жажда всех пьющих увеличилась так непомерно, более чем в два с половиною раза за эти немногие годы, а просто в питие вовлечены новые миллионы и миллионы людей. На каждого «питуха», возможно, приходится несколько больше прежнего, но главный прирост дают новые кадры пьющих.

В цитированной уже статье акад. Струмилина и проф.

А в таблицах, где пишется о росте «в 12 раз», показана лишь часть этого мяса — та часть, которая прошла через прилавки госторговли и кооперации. Во сколько бы раз эта часть ни выросла, она еще не говорит о росте народного потребления. О действительной динамике народного потребления мяса говорят лишь те таблицы, в которых приведены его средние годовые показатели в расчете на душу. За исследуемые нами 13 лет прирост составил ровно 30 процентов: было 40 кг. на душу, стало 52 кг. Так и записываем: между 1960 и 1973 годами прирост потребления мяса — 30 проц., прирост потребления спиртного — 167 процентов.

Сонина «Алкоголизм и борьба с ним» (журнал «Экономика и организация производства», 1974, № 4) имеется следующее сообщение: «При обследовании диспансерной группы алкоголиков было установлено, что 28% мужчин познакомились с алкоголем в возрасте до 15 лет, 65% — до 18 лет и 80% — до 20 лет».

Если даже эта группа была не особенно многочисленна, вышеприведенные цифры в высшей степени характерны. Нет сомненья, что они отражают общую для всей страны динамику: молодежь все больше втягивается в потребление алкоголя. Поневоле вспоминаются те шесть парней-алкоголиков в одном дворе, о которых писал читатель в «Литературную газету».

Вот то новое, что вносит решающую поправку в алкогольную проблему.

И таковы уж особенности нашего социалистического образа жизни, что вовлечению молодежи в пьянство способствовало как раз то правительственное мероприятие, которым, как ясно из постановления от 16 июня 1972 г., намеревались уменьшить пьянство: усиленный выпуск виноградных вин. Намерение было отличное, но благими намерениями ад вымощен.

«Порог усвоения» вина значительно выше и легче преодолим, чем порог водки: вино не противно, не пахнет сивухой, не обжигает рот, не бьет сразу в голову. Вкусовые недостатки водки делали ее непривлекательной для молодежи и женщин. А теперь все устроилось наилучшим образом. Не для того поручено Госплану и Министерству пищевой промышленности «значительное увеличение выпуска виноградных вин и пива», чтобы мы любовались этикетками, а для того, чтобы мы пили. Значительное увеличение, заметим, происходило и до 1972 года: в 1960 году произведено менее 78 миллионов декалитров, в 1965 — почти вдвое больше (134 млн.), в 1970 — снова удвоение (268 млн.), а в 1972, хоть и немало — 293 млн., но темп уже не тот, заметно его снижение. Так что руководящее указание, прозвучавшее в постановлении «О мерах борьбы с пьянством», оказалось, как это всегда бывает, весьма своевременным и мудрым: увеличить выпуск виноградных вин! В общем же мы видим увеличение почти вчетверо за двенадцать лет, не считая того, что импорт вина из братских государств народной демократии также значительно возрос.

Вино придало цвет и вкус потоку доступных удовольствий, в котором так легко плыть и плыть. Поток удовольствий легко захватывает юных потребителей. Веселящие качества вина — это как раз то, что требуется молодым людям, взыскующим радости.

Приобщение молодежи к вину и есть ведущая тенденция в потреблении товара номер один. Это грозная динамика, чреватая многими опасностями. Слишком хорошо известны имена ближайших спутников пьянства.

Ужасная традиция «пить, так пить», выдаваемая за национальную удаль и широту характера, говорит о другой широте — широте, какую приобрело национальное бедствие пьянства.

Всякое бедствие становится вдвойне опасным, когда его отказываются признавать или когда его размеры начинают сознательно скрывать. Проблема пития, помимо своей медицинской и народнохозяйственной стороны (о них обеих я не говорю по следующим причинам: медицинскую хорошо разъясняют газеты и плакаты в поликлиниках, а народнохозяйственную невозможно обсуждать за полным отсутствием официальных данных), превращается в моральную проблему. В нее, в моральную проблему эту, помимо привычных спутников — хулиганства, преступности, паразитизма, растраты денег семьи, распада браков[16], калеченья детских душ и т.д., и т.п., — входит еще и ложь. Она применяется в огромном масштабе, она скрывает правду о водке и вине и в дополнение к водке и вину опьяняет

16) По данным выборочного обследования, о котором говорится в уже цитированной статье («Наука и жизнь») из-за пьянства возникает 40% всех разводов. Наблюдается тенденция к росту удельного веса таких разводов.

народ неумолчной льстивой болтовней о нашем моральном превосходстве над всеми народами.

Так перед нами вырастает не простая, а как бы удвоенная нравственная проблема: язва пьянства со всеми сопутствующими ей общественными болезнями и укрывающий эту изъязвленную рану слой казенного оптимизма, статистического манипулирования, пропагандистского самоуспокоения, официального самодовольства и всенародной терпимости к алкогольному (да только ли к алкогольному?) аду.

Трудно выстроить плотину на старинной могучей реке водки и вина, широко и вольно текущей по просторам необъятной Родины, но еще труднее, пожалуй, остановить реку пустых слов, которыми подменяют правду, дабы помешать народу обдумать всю глубину национальной пьяной беды. Для начала надо прорезать хоть маленькую щелочку в густой завесе лжи, прикрывающей проблему пьянства, что я и постарался сделать в силу своих возможностей.

Глубоко знаменателен тот факт, что проблема пьянства вплотную подводит нас к другой, далеко не всем доставляющей страдание и боль проблеме, а именно к вопросу о запрете информации.

Оказывается: оба вопроса связаны, да еще так тесно!

Запрет информации о спиртном — такой насущной, такой необходимой народу, который иначе просто не может побороть свою беду, как только знанием ее и веским своим словом о том, какими способами с ней бороться, — этот запрет тоже ведь упирается в одну временную меру, введенную в первые годы Октября: в цензуру. Как продажа водки была введена временно, так временно была введена и цензура.

И если водочной мере исполнилось 50 лет, то временной цензурной мере уже 55 лет. Но это тема уж другая. А может это все — одна и та же тема?

Послесловие

Статья была уже совершенно закончена, когда появился в продаже очередной выпуск справочника «Народное хозяйство СССР» за 1973 год. В нем я нашел подтверждение своим выкладкам, сделанным до его выхода. Напечатанная в нем (стр. 638) таблица «Рост продажи важнейших товаров народного потребления в государственной и кооперативной торговле (в сопоставимых ценах)» весьма показательна. В ней, в отличие от справочников прошлых лет, за исходную точку взят 1965 г. (в моей работе сделан пересчет на 1960 год). Не стану приводить всю таблицу, она находится в полном согласии с моей статьей. Выводы, которые из нее можно сделать, таковы: в 1973 году по отношению к 1972-му покупка алкогольных изделий увеличилась на 6,2 проц., тогда как покупка мяса — на 3,4 проц., одежды и белья — на 2,1 проц., трикотажа — на 5 проц., радиоприемников — на 2,5 проц., обуви — на 6,5 проц. и т.п. Покупка телевизоров упала на 10 проц., покупка велосипедов тоже упала, зато чрезвычайно выросла покупка легковых автомобилей (на 40 проц. в сравнении с предыдущим годом). Но автомобили отнюдь не являются товаром широкого народного потребления, и не они определяют лицо советского покупателя. Так как таблица дана в процентах, остается неизвестным, сколько из произведенных в 1973 году 917 тысяч легковых автомобилей продано советским покупателям, а сколько за границу. Впрочем, это не самая важная из утаенных нашими статистическим справочником цифр: данные о продаже спиртного куда более серьезны.

Таблица, на которую я ссылаюсь, дана, как мы видим из ее заголовка, в сопоставимых ценах, так что изменение цен не влияет на ее показатели, и мы должны ясно сознавать, что 6,2 проц. увеличения продажи спиртного — это реальный показатель его потребления.

Итак, спиртное остается товаром номер один. Оно остается им, несмотря на то, что в 1973 г., согласно по-

следним данным (см. «Народное хозяйство СССР» за 1973 г., стр. 323), выпуск виноградного вина резко упал: в 1972 г. он равнялся, как сообщается двумя страницами выше, 293 миллионам декалитров, а в 1973 г., как ни странно, — 207 млн. декалитров. То ли виноград не уродил, то ли другие причины, но директива насчет «увеличения выпуска виноградных вин» осталась висеть в воздухе. Наша экономика далеко не всегда законопослушна, а уж сельскохозяйственная — и подавно.

* * *

Некоторые друзья спросили меня: а что конкретно ты можешь предложить?

Для начала — хотя бы следующие две меры:

1. Сделать достоянием всего народа данные о доходах, какие получает государство от продажи спиртного. Это будет не больше того, что сделал Сталин накануне десятой головщины Октябрьской революции. Он рассказал делегации иностранных рабочих 5 ноября 1927 г. (и это было напечатано в советской прессе), сколько удалось «заполучить оборотных средств» от продажи водки. Почему не сказать сейчас?

2. Разрешить печатание книг и исследований, посвященных проблеме пьянства в полном ее объеме. Это будет не больше того, что разрешало царское правительство людям, чья душа болела за народ, который столетиями спаивают его правители.

Неужели то, что позволяла печатать о водке царская власть, не может позволить сейчас самая демократическая власть в мире?

ПОЛЕМИКА

Владимир ЛАКШИН

СОЛЖЕНИЦЫН, ТВАРДОВСКИЙ И «НОВЫЙ МИР»

(писатель, редактор и журнал)

От редакции альманаха «XX-й век»

Очерк Владимира Лакшина, циркулирующий в самиздате, написан для «друзей «Нового Мира»» — того «Нового Мира», каким он был в период Александра Твардовского. Но друзей «Нового мира» сотни тысяч. А если считать друзей той литературы, которая началась с «Нового мира», то счет можно вести и на миллионы. Книга А. Солженицына*, которая в значительной своей части (почти половина) посвящена этим же событиям, издана на многих языках и разошлась в сотнях тысяч экземпляров

Многие спрашивают — неужели все, что написано в этой книге о «Новом мире», его редакторе, поэте Александре Твардовском и членах редколлегии журнала, — все это правда? Владимир Лакшин, который был ближайшим помощником и другом Твардовского и заведующим отделом литературной критики журнала в течение почти 10 лет, рассказывает нам ту же историю, но с другой, внутренней стороны. Один из лучших литературных критиков русской литературы, блестящий публицист и историк литературы Лакшин в своем очерке показывает нам сложную и противоречивую картину

*) А. Солженицын. «Бодался теленок с дубом». ИМКА-Пресс, Париж, 1975, 629 стр. (YMCA-Press, Paris).

Все цитаты в очерке В. Лакшина даны по русскому изданию 1975 г. В переводах тексты Солженицына часто искажаются, поэтому редакция рекомендует оставить ссылки в тексте Лакшина по русскому изданию, подготовленному самим Солженицыным.